Е. Л. БЕРЕЗОВИЧ

ПОЙМАТЬ ОСТРОДЫМА: ОБ ОДНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЗАГАДКЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ*

Толчком для написания этой статьи стали полевые находки 2009—2014 гг., которые сделали сотрудники Топонимической экспедиции Уральского федерального университета, работавшие на территории восточного Вологодско-Костромского пограничья (Никольский район Вологодской области, Вохомский, Октябрьский, Павинский, Шарьинский районы Костромской области).

Собирая прозвищные именования, мы записали прозвища двух братьев (жителей деревни Малая Стрелка Октябрьского района) *Остроды́м* и *Ши́ман*: «Два брата было — Остродым и Шиман. Оба нехорошие к людям» [АКТЭ]. Забегая вперед, укажем, что этот бином образован семантически связанными именами. Поначалу они подтверждались именно как онимы, и информанты не могли объяснить, от каких нарицательных слов образованы прозвища. Вновь и вновь задавая вопросы об *Остродыме* и *Шимане*, мы все-таки смогли найти для каждого из них апеллятивы, — и, как часто бывает в таких ситуациях, нарицательные слова более четко фиксировались в некотором отдалении от зоны фиксации антропонимов (в самой этой зоне, в деревне Малая Стрелка и соседних, информантам нередко мешало знание имен собственных). Слово *ши́ман* удалось записать (в Октябрьском районе) в значении ‘человек, который все делает исподтишка’ — «Шиман за спиной неладное делает», «Шиман тихо-тихо сделает, а на вред» [ЛКТЭ][1].

Что касается *остродыма*, который далее будет в центре нашего внимания, то эта лексема отмечена и в Костромской области, и в Вологодской

* Автор выражает сердечную благодарность А. Е. Аникину, М. В. Бобровой, Ж. Ж. Варбот, И. Б. Качинской, Е. С. Коган, А. А. Пичхадзе, И. А. Подюкову, А. В. Тихомировой, С. М. Толстой за ценные консультации при подготовке статьи и предоставление нового для автора фактического материала.

[1] Более распространенный вариант — *ши́ма* (Октябрьск., Вохомск., Шарьинск. р-ны Костромск. обл.) [ЛКТЭ]. Он имеет, помимо отмеченного, и другие пейоративные значения (‘нерасторопный человек’, ‘злой, агрессивный человек’, ‘нечистая сила, обитающая в доме’ и др.).

Русский язык в научном освещении. № 1 (29). 2015. С. 151—170.

(в Никольском, Вохомском, Октябрьском районах) в вариантах *астради́м*, *остради́м*, *остроги́н*, *остроды́м* (последний наиболее частотен). Надо сказать, что данные слова нельзя причислить к активному лексикону современных диалектоносителей. Они ни разу не встретились нам при сборе «от понятия»; все фиксации лексем (около 25) появились в ходе опроса «от слова» («Знаете ли слово *остродым* (*остradим*) etc.? Что оно значит?»).

Изучаемые лексические единицы имеют различные значения, подавляющее большинство которых являются негативными характеристиками человека:

▪ злой, жестокий, агрессивный человек: костр. *остроды́м*, влг. *астради́м*, *остради́м* — «Остродым всех пообидит. Нехороший до людей. Экий вымахал парень, а недобрый, остродым-от» (костр.), «Астрадим злюшшой, всех измучил» (влг.), «Острадим злой, всех напугает» (влг.), «Остродым недобрый к людям. Всё ишшет, кого обидеть, зацепить-то» (костр.) [ЛКТЭ; КСГРС]; ▪ тот, кто приносит вред, пакостничает: костр. *остроды́м*, влг. *остради́м* — «Ну ты остродым, на́пакось штё-нибудь сделал» (костр.), «Острадим всё портит, пакостит» (влг.) [ЛКТЭ; КСГРС]; ▪ грубый человек: костр. *остроды́м* — «“Ой, остродым ты, уходи!” — нахальный, заговорит буде чего неладно» [ЛКТЭ]; ▪ непослушный, своенравный человек или животное: костр. *остроды́мка*, влг. *остради́м* — «Остродымка — корова бежит, бойкая. Ходит-ходит и убежит. Уросит корова — капризничает» (костр.), «Острадим человек большой, непослушный. Ой, острадим, ничего не можно с им сделать» (влг.) [ЛКТЭ; КСГРС]; ▪ высокомерный человек, зазнайка: костр. *остроды́м* — «Это остродым — он идёт, сам собой гордится. Напьются пьяные» [ЛКТЭ]; ▪ жадина, скряга: костр. *остроды́м* — «Остродым, жох, у него снегу зимой не выпросишь», «Остродым-от всё хочет захватить», «В деревне у нас есть Остродым, прозвишше ему такое. А любой, кто жадный, остродым» [ЛКТЭ]; ▪ вор: костр. *остроды́м* — «Остродым — в Борьбе ⟨неофициальное название дер. Малая Стрелка⟩ прозвище такое. А значит это “вор”, вернее всего сказать. “Скупой” к этому не подходит, а “вор”» [Там же]; ▪ тот, кто делает что-л. наобум: костр. *остроды́м* — «Не подумавши сотворит: ну, он такой остродым!» [Там же]; ▪ худой высокий человек: костр. *остроды́м* — «Как большой идёт человек, так, скажут, остродым. Большой, длинный, худой, высокий» [Там же]; ▪ строгий, требовательный человек: влг. *остроги́н* [КСГРС].

В диалектных словарях русского языка эти слова, кажется, не отмечены. Единственный близкий факт (с ожидаемым в данном случае протетическим *в*) — арх., пск. *востроды́мка* ‘гордая, спесивая женщина’ [СРНГ 5: 149][2].

[2] К сожалению, арх. и пск. фиксации (имеющие в СРНГ хронологическую помету — 1962 г.) не дублируются новыми крупными словарями по указанным территориям [АОС, ПОС, СГРС, СРГК].

Семантика данных слов, а также фиксация варианта *остродым* в качестве основы для образования прозвищного антропонима заставляют предполагать, что они могут встречаться в составе фамилий. Из различных словарей фамилий и прозвищ (в том числе региональных) интересующий нас антропоним встречается только в [Ганжина 2001: 114] — в форме *Востродымов*: «В основе фамилии лежит прозвище из нарицательного *востродым* — слово это не зафиксировано словарями, вероятно, это мужской вариант имеющегося в архангельских, псковских говорах слова *востродымка* ‘гордая, спесивая женщина’». Поиск по различным электронным сводам фамилий, не являющимся собственно лингвистическими источниками[3], позволил расширить перечень фамилий, связанных с интересующими нас словами. Приведем некоторые примеры, указывая место проживания носителей фамилии[4]: *Астрадимов* (Киев, Саранск, Казахстан), *Астрадымов* (Казань, Москва, Оренбург, Санкт-Петербург, Челябинск, Хабаровск, Ярославль и др.), *Востродымов* (Волгоград, Москва, Самара, Ставрополь, Тольятти), *Остродымов* (Тула), *Остродымов* (Белгород, Воркута, Томск). Фамилия *Востродымов* оказалась даже запечатленной в художественной литературе: в романе А. Н. Толстого «Хлеб» («Оборона Царицына») есть секретарь ревкома *Петька Востродымов.* Выбирая антропоним, писатель отразил «правду жизни»: кажется, фамилия *Востродымов* особенно активна именно в Поволжье.

Лексема *остродым* и ее варианты порождает у воспринимающего устойчивое ощущение, что разгадка его происхождения «где-то рядом», поскольку она связана явно осознаваемыми ассоциациями с некоторыми другими словами. В первую очередь это слово *острый* (*вострый*): его смысловой след может проявляться как в характеристиках поведения *остродыма* (он агрессивен, мучает окружающих, стремясь их уколоть, зацепить), так и его внешнего вида (ср. значение ‘худой высокий человек’). В варианте *острогин* чувствуется формально-смысловое влияние слова *строгий*. Компонент *-дым* имеет менее четкие лексические аллюзии. Формально возможную связь со словом *дым* (в том числе в диалектных значениях, ср. влад., ворон., ряз., якут. ‘жилье, изба, двор’ и др. [СРНГ 8: 262]) надо признать совсем не ясной в плане семантики. Вспоминается также литер. *вздымать* ‘поднимать кверху’, диал. шир. распр. *с*(*з*)*дымать* ‘то же’. Эта ассоциация может быть привлечена для объяснения значения ‘высокомерный человек, зазнайка’, ср. перм., свердл. *вздымóрылить* ‘заноситься, задаваться, важничать’, свердл. *вздымóрылка* ‘тот, кто долго сер-

[3] Использовались поисковые системы социальных сетей («В контакте», «Одноклассники»), сайт «Телефонный справочник» (URL: http://www.nomer.org/), сайт «Жертвы политического террора в СССР» (URL: http://lists.memo.ru/index.htm) и др.

[4] Приводятся названия крупных городов или стран (входивших в состав бывшего СССР). Если носитель фамилии проживает в селе или небольшом городе, указывается областной (районный) центр.

дится, дуется и делает все назло окружающим; зазнайка’ [СРНГ 4: 262], арх. *здымоно́с* ‘гордец, зазнайка’ [СГРС 4: 257], арх. *здымоно́ска* ‘высокомерная, надменная женщина’ [КАОС], пск. *сдыну́ть нос* ‘заважничать, загордиться’ [СРНГ 37: 90].

Можно ли использовать указанные словесные ассоциации для научной трактовки происхождения лексемы? Связь со словом *строгий* явно носит народно-этимологический характер (форма *острогин* единична). Оставшиеся претенденты на роль производящих лексем дают возможность предполагать здесь сложение *острый* + *-*дым* (из глагола *с*(*з*)*дымать*). Составные слова с компонентом *острый*, характеризующие человека, известны (арх. *востролю́тый* ‘очень злой, лютый’ [СРНГ 5: 149], перм. *востроку́ла́чник* ‘драчун’ [Там же], смол. *остроко́л* ‘об очень дерзком человеке’ [СРНГ 24: 88], самар. *острожела́тель* ‘недоброжелатель(?)’ [Там же: 87] и т. п.), лексические единицы такого рода могут становиться основой для образования фамилий. Быть может, *остродым* = ‘*тот, кто *остро вздымает* (нос)’? Но сочетаемость **острый* + *вздымать*, кажется, не встречается; этот глагол — как ни трактовать его происхождение[5] — не фиксируется в русском языке в бесприставочном варианте (при этом условий для исчезновения приставки, как представляется, нет). Наконец, семантика высокомерия все же не занимает центрального места в смысловой структуре изучаемого слова (по крайней мере, в вологодских и костромских записях).

Понимая, что выяснение вопроса о происхождении *остродыма* зашло в тупик, мы решили ждать новых фиксаций этого слова. Они появились с неожиданной стороны. В «Словаре русских говоров Южного Прикамья» было найдено выражение *поймать остродыма* ‘закончить уборку на поле’: «Всё ведь раньше в поле робили, как уж поймали остродыма — всё, работу кончили» [СРГЮП 2: 381] (оно помещено в словарную статью *поймать*, но отсутствует в статьях на букву *О*, вследствие чего обнаружение этого факта в связи с интересующим нас вопросом было совершенно случайным)[6].

Данная находка сделала историю с *остродымом* не только более интересной, но и более загадочной. Однако стало ясно, что надо отойти от поисков в направлении корня *остр-*. Было решено проверить версию о том, что *о-* является приставкой, — и искать возможности сочетания «темной» пока основы с другими приставками.

---

[5] Литер. *вздымать* ‘поднимать кверху’, диал. *сдымать* ‘то же’ и проч. традиционно рассматривались как производные гнезда **dǫti*, **dъtǫ* [Аникин РЭС: 121; ТСлРЯ: 88—89 и др.]. По остроумной версии А. А. Зализняка, *вздымать* ‘поднимать’ является продуктом трансформаций исходного *възимати*, при этом *д* получено этим глаголом от *подымать* [Зализняк 2013: 35].

[6] Комментируя обстоятельства этой записи, один из авторов и научный редактор словаря, И. А. Подюков, отметил: «Как вспоминаю, бабушка довольно улыбнулась, сказав эту фразу с *остродымом*» [устное сообщение].

Так были обнаружены два факта, явно связанные с «жатвенным» *остродымом*: устар. свердл. *пострады́м*, перм., свердл. *пострады́мка* ‘наемный работник или работница на время страды’ [СРГСУ 4: 108; СРНГ 30: 236]. Свердловская запись сделана в Камышловском районе краеведом и фольклористом И. Я. Стяжкиным, который собирал свой «Словарь народного говора б. Камышловского уезда» в первой половине XX в.; пермские материалы датируются в СРНГ 1895 годом. Словарями, основанными на записях на тех же территориях во второй половине XX — нач. XXI в., данные лексические единицы не зафиксированы, хотя в них есть разнообразные близкие формы: устар. свердл., перм. *постра́дка*, свердл. *постра́дница*, перм. *пострадýля,* свердл., тюм. *пострадýлька*, свердл. *пострадýшка* ‘наемная работница на время страды’ — «От Петрова до Покрова я в пострадках жила», «Раньше у богатых пострадульки работали» [СРГСУ 4: 108], *постра́дка* перм. ‘батрачка’ — «Пострадкой на лето нарядишься, водят жать да косить» [СПГ 2: 185—186], тюм. ‘наемная домашняя работница в период косьбы, уборки урожая’ [СРГЮТО 2: 184]; ср. также кемер. *постра́дчик* ‘наемный работник в страду, жнец’ [СРНГ 30: 236][7].

Корневая идентификация лексических единиц с «сельскохозяйственными» значениями не составляет трудностей — это дериваты праслав. **strad-*. В этом гнезде, весьма обширном и разветвленном (и в литературном языке, и в говорах), имеются как бесприставочные образования, так и слова с разнообразной префиксацией, в том числе приставками *об-* и *от-* (одну из них можно предполагать в слове *остродым*). Если говорить о семантической структуре гнезда, то в нем представлены два основных смысловых блока: 1) «земледельческие» (и шире — «трудовые») значения; 2) значения, характеризующие страдания и муки[8].

Приведем примеры таких значений для слов, восходящих к **stradati* (*sę*) с приставками **ob-* и **ot-*. Элементы этих префиксальных гнезд в формально-смысловом плане наиболее близки интересующему нас слову.

«Земледельческие» значения: арх. *обстрада́ть*, *обстрада́ться* ‘закончить страду, уборку хлеба и покос’ [Даль 3: 622; СРНГ 22: 238], вят. *обстрадоваться* (уд.?) ‘закончить страду’ [ОСВГ 7: 40], карел. *отстра́дываться* ‘завершать уборочные работы, страду’ [СРГК 4: 332], свердл.

[7] Подобные значения фиксируются и у бесприставочных слов: арх., новосиб., пск. *стра́дник* ‘работник на сенокосе или жатве хлеба’, ‘батрак, работник, особенно на летнее время с мая по октябрь’, арх., новг., олон. *стра́дница* ‘работница на сенокосе или жатве хлебов’, вят. *страдо́вка* ‘наемная работница на летние полевые работы во время страды’ [СРНГ 41: 274, 276]; ср. также старорус. *страдаль* ‘работник, нанимаемый на время страды (покоса, жатвы)’ (XVII в.) [СлРЯ XI—XVII 28: 117] и др.

[8] Основные семантические линии в гнезде **strad-* обозначены в работе С. М. Толстой, где закономерности смыслового развития данного гнезда рассматриваются на фоне гнезд **trud-*, **mǫk-*, **tęg-*, демонстрирующих явление семантического параллелизма [Толстая 2008: 114—120].

остра́довáться ‘закончить уборку сена’ [СРНГ 24: 75], арх., вят., карел., кемер., перм., печор., свердл., сиб., тобол., челяб. *отстра́дываться* (*отстрадовáться*, *отстрадáться*) ‘закончить (заканчивать) страду — покос и уборку хлеба’ — «Когда отстрадаецца колхоз, тогда и мы будём себе страдать» (печор.), «Лето было хорошоё, сухое — отстрадовались скорёхонько; и сена хорошие были в тот год» (перм.) [СРНГ 24: 325; КСГРС; СРГНП 1: 546; СПГ 2: 63], пск., твер. *остра́да* ‘страда, пора жнитва, жатва’ [СРНГ 24: 75], ср.-урал. *остра́дки* ‘конец страды’ [СРГСУ 3: 74], иркут., перм., свердл. *отстра́дки* ‘последний день жатвы’ [СРНГ 24: 325] и др.

Значения, характеризующие страдания и муки: *обстрадáться* ‘обтерпеться, обжиться со страданиями, муками’ [Даль 3: 622], пск. *острадать* (уд.?) ‘потерять на время контроль над собой, выйти из себя’ [СРНГ 24: 75], влг. *острадáться* ‘переносить длительные мучения и страдания’ [КСГРС] и др. Ср. также н.-луж. *hobtšadaś se* ‘погибнуть нуждаясь, истомиться (жаждой, голодом)’, ст.-польск. *ostradać* ‘потерпеть (урон), пострадать’ и др., которые в [ЭССЯ 30: 71] возводятся к **obstradati* (*sę*).

Эти смысловые линии удачно проецируются на семантику *остродыма*, сочетающего как раз «земледельческое» и «поведенческо-характерологические» значения. Детали можно уточнить позднее — после того, как будут решены проблемы из области словообразования, которые пока остаются непроясненными. Следует определить значение словообразовательной модели и решить вопрос морфонологического плана, связанный с возможностью сочетания глагольной основы и суффикса.

Мы предполагаем, что в наибольшей степени соответствует исходной форме слова вариант *остради́м* (зафиксированный в вологодских говорах), который представляет собой субстантив, образованный от глагола с корнем *страд-* и имеющий формант *-им*, совпадающий с показателем причастий настоящего времени (форма глагола будет восстановлена далее).

Если в русском литературном языке глагол *страдать* является непереходным, то диалектные глаголы с корнем *страд-* могут быть переходными, что обеспечивает возможность образования от них страдательных причастий, ср.: пск. «Я и *страдала хлеба*, была большая дежка и кубан был — столько хлеба было»; арх. «Пора *сено страдать*, а они и не торопятся, таки самолюбы. *Пожни* худо *страдать*, трава большаща, не просушить»; арх. «Говорили, пусть сам себе *корм страдает*, тяжело его кормить, когда еще три рта»; амур. «*Страдовать хлеб* надо» [СРНГ 41: 273—275], тюм. «У сусетки *огурцы страдуют* ⟨воруют⟩» [СРГЮТО 2: 291] и др. Переходность проявлялась у этих глаголов и в старорусских текстах: «Призываютъ же того старца ⟨Зосиму⟩ соловецкаго, и начятъ ему сказывати о отрочяти, како *стражетъ* велику *болѣзнь* отъ бѣса» (XVI в.); «А Лаврентии Фофанов сказал: ходил рѣпы рѣзат⟨ь⟩ ⟨в⟩ воскр҃снье, а в понѣделник были *угол⟨ь⟩я страдат⟨ь⟩* с товарищи» (XVII в.) [СлРЯ XI—XVII 28: 120]. Однако более значим, думается, другой аргумент в пользу возможности образования страдательного причастия от изучаемого глагола. Дело в том, что

в древнерусской системе причастий страдательные формы (как прошедшего, так и настоящего времени) нередко образовывались от непереходных (в том числе возвратных) глаголов; данная особенность проявлялась не только в переводных, но и в оригинальных текстах — летописных и деловых [Крысько 1995: 501—502]. Очевидно, эта особенность могла сохраниться в русских говорах (поэтому необязательно искать переходные формы глаголов на *страд*-).

Определенные трудности вызывает субъектно-объектная (залоговая) характеристика слов, имеющих формант *-им*/*-ым*, который совпадает с показателем причастия. Для формы *пострадым* ‘наемный работник’ следует реконструировать исходное субъектное значение: *«тот, кто “страдает” в поле». Для формы, фигурирующей в названии ритуала *поймать остродыма*, можно предполагать объектный смысл — *«убираемый урожай». Что касается *острадима*, *остродыма* и др. с «поведенческой» семантикой, то для этих лексем вероятно первичное субъектное значение — *«тот, кто “острадывает” ⟨заставляет страдать, мучает⟩ других».

Субъектные смыслы, на первый взгляд, противоречат пассивной форме. Однако известно, что глагольные дериваты с «пассивными» суффиксами страдательных причастий настоящего времени могут иметь «активные» значения. Этим вопросом (в связи с более широкой проблемой соотношения актантной структуры глагола и семантики отглагольных имен) специально занималась С. М. Толстая [2005], которая прокомментировала ситуации «необычного» поведения слов с такими суффиксами[9] и пришла к выводу, что они «свидетельствуют об утрате суффиксом *-им-* своего исконного “страдательного” значения, и если в литературном языке это явление представлено единичными случаями, то в диалектах оно приобрело значительно более широкий масштаб» [Там же].

В. Б. Крысько, подробно рассмотревший формы с суффиксальными *-м* и *-н* в древнерусском языке[10], подтвердил предположения Р. Айтцетмюл-

[9] Как указывает С. М. Толстая, во-первых, имеет место совмещение в одной лексеме активного и пассивного значения: рус. диал. *нежалимый* ‘такой, которого не жаль; не дорогой по цене’ (пассивное значение) — ‘безжалостный’ (активное значение), *незнамый* ‘неизвестный, незнакомый’ (пассивное значение: тот, кого не знают) — ‘несведущий, неосведомленный’. Во-вторых, есть многочисленные случаи «активных» значений у дериватов с «пассивным» суффиксом *-им-* (в том числе и от непереходных глаголов): *невредимый* ‘не приносящий вреда, безвредный’ (форма пассивная, значение активное), *непосидимый* ‘непоседливый’, *невсходимый* ‘невсхожий, бесплодный (о семенах и т. п.)’ и др. [Толстая 2005: 164].

[10] Автором описаны различные варианты функционирования древнерусских отглагольных образований с указанными суффиксами: были представлены внешне страдательные формы от непереходных глаголов; возможно употребление пассивных форм от возвратных глаголов с активной семантикой; формы на *-м* от переходных глаголов могли выступать в явно активном значении; суффиксы *-м* и *-н* использовались для образования не вполне определенных в залоговом отношении

лера и Б. Гавранека о том, что данные суффиксы первоначально имели адъективную природу (и постепенно специализировались на славянской почве для выражения пассива), а страдательные формы были по происхождению отглагольными прилагательными. Это обусловливает их индифферентность по отношению к глагольным категориям переходности и залога [Крысько 1995: 503].

Таким образом, *острадим* реализует весьма старую словообразовательную модель: это, по всей видимости, субстантивированная форма отглагольного прилагательного, формально совпавшего со страдательным причастием настоящего времени. В примерах С. М. Толстой, нашедшей целый ряд диалектных лексических единиц с «пассивными» суффиксами и «активными» значениями [Толстая 2005], фигурируют преимущественно слова с приставкой *не-*, но можно найти и бесприставочные образования, а также лексемы с другими приставками. При этом у приводимых далее слов с суффиксом *-им-* есть однокорневые параллели с другими «активными» суффиксами: ряз., тамб. *води́м* = дон., орл. *вода́тай*, без указ. м. *воде́ц* ‘вожак, зачинщик; руководитель какого-либо дела’ [СРНГ 4: 334—336]; тамб. *насерди́м* ‘недоброжелатель, враг’ ≈ орл., твер. *на́се́рдник* ‘тот, кто имеет злобу, неприязнь, досаду на кого-л.’ — «Я со своим насердником помирился уж давно» (ср. смол., ср.-урал. *насе́рди́ться* ‘много посердиться, надосадоваться’) [СРНГ 20: 158—159]; без указ. м. *облаи́м* ‘ругатель, хулитель’ [СРНГ 22: 83] = костр. *обла́йщик* ‘тот, кто все время ругает других’ [ЛКТЭ], иркут., киргиз., костр., новосиб., орл., пенз., пск., сиб., твер., тобол., тул., ульян. *обла́й* ‘грубиян, ругатель; скандалист’ [СРНГ 22: 83] и др. Данные примеры демонстрируют и возможность субстантивированного употребления форм с причастным суффиксом.

Следует упомянуть и то, что в гнезде *страд-* есть примеры других (помимо предполагаемого *острадима*) причастных форм, демонстрирующих нейтрализацию различий в значении залоговой модели, ср. *страду́щий* пск. ‘бешеный, буйный, шальной’, пск. ‘имеющий дурной характер, нрав’, пск., смол. ‘страдающий нервным расстройством, неуравновешенный’ = пск. *страдо́мый* ‘бешеный, буйный, шальной’: «Лошадя боялись, какая страдомая» [СРНГ 41: 276]. В форме *страдомый* наблюдается также внутренняя «омонимия» активного и пассивного значений: стар. и пск. *страдо́мый* ‘рабочий’, но *страдо́мый* ‘о земле: пахотная’ [Даль 4: 335], старорус. *страдомый* ‘предназначенный для пахоты’ — «А ловища, и пожни, и страдомыи земли, и лѣсъ, а то к тымъ селамъ по старинѣ, ис которого села которые мѣста делали» (XV в.) [СлРЯ XI—XVII 28: 122][11].

форм (не являющихся ни собственно активными, ни пассивными); эти суффиксы употреблялись как словообразовательные форманты в прилагательных со значением возможности совершения действия [Крысько 1995: 502—503].

[11] Вообще, само действие страдания (особенно психологического) имеет сложную субъектно-объектную природу — и в некоторых случаях бывает трудно опре-

Возвращаясь к *острадиму*, можно предположить, что значения ‘бешеный’, ‘имеющий дурной нрав’, фиксируемые у слов *страдомый* и *страдущий*, ближе всего стоят к исходной «поведенческой» семантике интересующего нас слова.

Но не все вопросы словообразовательного характера еще выяснены. Если допустить, что *острадим* — это отглагольное образование с суффиксом *-им-*, то встает вопрос о производящей основе. Суффикс *-им-* сочетается с глагольными основами II спряжения (X словоизменительного класса) [РГ 1980 1: 667], следовательно, глагол *страдать* (с приставками или без них) не может дать образования с таким суффиксом. Значит, надо искать глагол с корнем *страд-*, относящийся к X классу. Он обнаруживается[12]: *стра́дити* стар. ‘заниматься земледельческой работой’ — «И страда мнѣ стадити съ другими вмѣстѣ» [СЦСРЯ 4: 232]; сев., вост. *стра́дить* ‘стар. усильно трудиться, работать’, сев., юж. ‘о летних полевых работах: жать и косить’; стар. *стра́да стра́дити* ‘работать в поле, спешно сымать и убирать хлеб и сено’ [Даль 4: 334]. Отсюда предположение, что производящей основой для *острадима* стал устаревший глагол *страдить* с приставкой *об-* или *от-*. Появление формы *острадым* можно объяснить дистактной прогрессивной ассимиляцией гласных по ряду; *астрадым* — регрессивной ассимиляцией гласных; *остродым* — следствием притяжения к прилагательному *острый*. Значение словообразовательной модели не осознается говорящими, и, конечно, изучаемые слова имеют высокую степень деэтимологизации.

Затемненность модели связана, во-первых, с ее грамматической неопределенностью (как говорилось выше, перед нами, очевидно, отглагольное прилагательное, позднее формально совпавшее с причастием, категориально слабым в говорах), во-вторых, с тем, что адъективная / причастная модель употребляется в субстантивированной форме. Рассмотрим подробнее такое употребление модели. Праславянский именной суффикс *-ітъ*, *-іта* анализируется, в частности, в трудах Ф. Славского и А. Вайана. Славский отмечает, что данный суффикс обычно выступает в обозначениях родства

делить, какое значение (субъектное или объектное) имеется в виду, ср., к примеру, новг. *страда́тель* ‘милый, любимый’ [НОС 10: 164]. Более того, субъектно-объектные отношения могут зависеть и от того, как оценивается говорящим характер страсти (страдания), ср., к примеру, старорус. слово *страстникъ*, которое сочетает значения ‘страдалец, мученик, подвижник’ и ‘грешник’ [СлРЯ XI—XVII 28: 137]: в основе первого лежит представление о «высоких» страданиях, второго — о подверженности «низким» страстям.

[12] В данном случае мы сталкиваемся с явлением «разноосновности», когда для глагольных лексем реконструируется несколько праславянских основ, оформленных разными тематическими показателями. Как указывает С. М. Толстая, «модель “разноосновности”, “преодоленная” в целом литературными языками, не чужда диалектам (ср. рус. диал. *гудеть — гудать — гудить — густь*/*густи* при единственном литературном *гудеть*)» [Толстая 2006: 365].

или свойствá, например: *bratimъ*: *bratъ*: *bratiti sę* ‘брататься, вступать в отношения побратимства’, *pobratimъ*: *pobratъ*: *pobratiti sę* ‘то же’, *posestrima*: *posestriti sę* ‘вступать в отношения посестримства’, *otьčimъ*: *otьcь*, ср. старорус. *отчитися* ‘потакать по-родственному’, болг. *побащим* ‘посаженный отец’: *баща* ‘отец’, др.-рус. *иночимъ* ‘пасынок’ и др. [Sławski 1976: 14—15]. Даются также некоторые примеры обозначений людей за пределами названий родственников и свойственников: рус. *нелюдим*, укр. *нещадим* ‘мучитель’: *щадити* и др. Комментируя происхождение модели, автор отмечает, что разные ее реализации не имеют, возможно, единого источника. Помимо старых девербальных прилагательных (из причастий пассивного залога настоящего времени) на -(*i*)*mъ* (типа *побратим*, *посестрим*), здесь есть также слова со старым суффиксом -*imъ*, соответствием которому служит литовский суффикс -*ymas*, выступающий в отпризнаковых именах (например, *báltymas* ‘белок’: *báltas* ‘белый’) и в существительных от глаголов на -*yti* (*dãrymas* ‘изготовление, поступок’: *darýti* ‘делать, готовить, совершать’) [Там же: 15]. Примеры, приводимые Вайаном, во многом совпадают с примерами Славского (добавляется, скажем, с.-хорв. стар. *hotim* ‘любовник’[13]). По мнению Вайана, славянский суффикс -*imй* обычно указывает на приобретение родственной связи и появляется в субстантивированных формах страдательного причастия настоящего времени. Другие версии относительно происхождения суффикса автор не обсуждает [Vaillant 1974: 574].

Следует заключить, что данный суффикс нуждается в дальнейшем изучении — как в функционально-смысловом, так и в этимологическом плане. Нельзя не отметить, что слово *острадим*, пополняющее список примеров с этим суффиксом, практически тождественно в плане семантики украинской лексеме *нещадим*, которую упоминает Ф. Славский. Поиск других примеров такого рода может пролить свет на особенности языковой категоризации представлений славян о семейных и межличностных взаимоотношениях людей (интересна логика объединения в одну словообразовательную группу *отчима*, *нелюдима*, *острадима*, *нещадима* и проч.; сюда же, кстати, надо добавить еще костр. *нерусúм*, влг., костр. *нерусúмка*, вят. *нерусúмко* ‘замкнутый, нелюдимый человек’ [ОСВГ 6: 237; КСГРС; ЛКТЭ]; подробнее об этом слове см. в [Березович 2014: 124]).

Заканчивая анализ лексем *острадим*, *остродым* и проч. в значениях, характеризующих человека, следует сказать несколько слов о причинах разнообразия такой семантики. Как уже отмечалось, первичный смысл слова *острадим*, по-видимому, близок к значениям слов *страдомый* и *страдущий* — *«тот, кто имеет дурной нрав» (возможен субъектно-объектный акцент: *«тот, кто заставляет страдать других»). Это согласуется

[13] К этой семантике ср. также рус. ленингр., пск. *любúмка* ‘о любимом человеке, животном’ [СРНГ 17: 235]; данное слово функционирует и в современной молодежной речи (но, кажется, не отмечено словарями).

с доминантными семантическими линиями в наших вологодских и костромских записях: ‘злой, жестокий, агрессивный человек’, ‘тот, кто приносит вред’. Кажется, в этих значениях присутствует также смысловой компонент «страх» (ср. контекст «Острадим злой, всех напугает»). Вообще, аттракция слов, принадлежащих гнездам **strахъ* и **strastь*, **stradati*, — явление весьма распространенное[14], ср.: рус. простореч. *страсть* ‘страх, ужас’, старорус. *страстный* ‘страшный’ — «Братие! Потръпимъ мало, зима яра, но рай сладокъ, и страстенъ мечь, но сладостно вѣнчание» (XVI в.), *страстнѣ* ‘со страхом’ [СлРЯ XI—XVII 28: 137—138], рус. общенар. *Страстна́я неделя* ↔ диал. шир. распр. *Стра́шна́я неделя* ‘неделя перед Пасхой, седьмая неделя Великого поста’ [РНК: 426], влг. *острасти́ть* ‘испугать’ — «Острастила ты меня, напугала» [СВГ 6: 81], пск., твер. *постра́стка* ‘устрашение, угроза’ [СРНГ 30: 236], карел. *постраст́ить* ‘попугать’ [СРГК 5: 100] и т. п. Значения грубости, непослушания, своенравия, скупости и т. п. появились, по всей видимости, по закону расширения пейоративно-экспрессивной семантики. Что касается семем ‘строгий человек’, ‘худощавый, высокий человек’, то они, как говорилось выше, могли возникнуть в результате аттракции, соответственно, к словам *строгий* и *острый*; влияние последнего может проявляться и в других негативных значениях рассматриваемого слова[15].

Обратимся к слову *остродым* из прикамского названия ритуала *поймать остродыма*. Какова мотивация этой лексемы и обозначения ритуала?

Исследователи, работающие в области этнолингвистики и этнографии, не раз обращали внимание на явление антропо(зоо)морфизации последнего снопа и вообще процесса окончания жатвы (сенокоса). На языковом уровне это выражается, в частности, в существовании антропо(зоо)нимических моделей номинации последнего снопа: рус. влг. *ванька* (*ваню́шка*, *иванушка*, *иванушко*) [СГРС 2: 21—22; 4: 297], влг. *гость* [СГРС 3: 116], вят. *кузьма* [Усачева 2008: 100], смолен. *баба*, влг. *кумушка* [СД 5: 92], вят. *коза* [СРНГ 14: 57] и т. п. Олицетворение может поддерживаться и развиваться в составе глагольных формул (например, влг. *последний ванька пришел* ‘о дожинальном снопе, который украшают лентами и вносят в избу’ [КСГРС]), при этом фиксируются конструкции с глаголами *поймать*, *схватить* и т. п.: пск. *поймать я́лови́цу* ‘закончить работу в поле, на уборке зерна’ — «Севонни на ржи яловицу поймали» [СПП: 84], перм. *зайчика поймать* ‘сжать последнее’ [сообщено И. А. Подюковым], влг. «Ой, сегодня мы *иванушка схватим*!» (слова, которые говорят, сжиная последний

[14] Есть версии о родстве этих гнезд: так, Вайан производит *страсть* от **srā-* вместе со *страх*; Брюкнер видит в **strахъ* слав. новообразование по отношению к **strastь* [Фасмер 3: 770, 772].

[15] Интересно, что смысловой компонент остроты проявлен и в «этимологической памяти» слова *страдать*: среди его индоевропейских соответствий есть, например, др.-греч. στρηνής, στρηνός ‘острый, грубый’ [Фасмер 3: 770].

сноп) [СГРС 4: 297][16], ср. также луж. *honacza bić*, *kokota lapać* («бить / ловить петуха») ‘обрядовая игра, которой отмечали окончание жатвы’ [СД 3: 451]. За подобными формулами может стоять живое и яркое представление о том, что жнец или косец, заканчивая свою работу, преследует какое-то существо, которое убегает от него по пустеющему полю и скрывается в последних колосьях или остатках травы: влг. «Полоска-матушка, как серый зай в край. Кыш, побегай!» (так просили полоску бежать впереди и помогать жать) [Усачева 2008: 110]. Примерами такого рода, относящимися к различным западноевропейским традициям (в первую очередь, германским и романским), изобилует знаменитая книга Дж. Фрэзера [Фрэзер 1980], ср. некоторые из них: силез. «*схватить волка*» ‘скосить последний клочок поля’, франц. «*ты сцапаешь волка*», нем., швед., франц., итал., нидерл. «*он убивает зайца*», нем. «*заполучил корову*» ‘слова, которые говорятся тому, кто жнет последний сноп’, румын. «*настало время ловить петуха*» ‘слова, которые кричат косцы, готовясь скосить последний участок поля’, франц. *conjoulage* («кастрированный баран»), «*кот*», нем. «*овсяный жеребец*» ‘последний сноп’, сев.-герм. «*изгонять петуха*» ‘сжинать последний сноп’, франц. «*поимка кота* (*зайца*)», «*убийство собаки*» ‘окончание сенокоса или сбора урожая’, чеш. «*вот кто прогнал козла*» ‘о том, кто закончил обмолот последнего снопа’, вост.-прус. «*в снопе-то козел сидит*» ‘слова, которые кричат женщине, вяжущей последний сноп’, нем. «*волчица*» ‘женщина, вяжущая последний сноп’, нем. «*овсяная* (*ячменная*, *гороховая* и т. п.) *корова*» ‘о человеке, сделавшем последний удар при молотьбе’, шваб. «*бык убит*» ‘слова, которые говорят по окончании обмолота’ и мн. др. [Там же: 495—514].

Таким образом, прикамский *остродым* встает в ряд обозначений антропоморфизированных существ, которых «ловят» по окончании сельскохозяйственных работ. При этом путь образования этого слова до конца не ясен. Наиболее простой способ объяснения — предположить, что в составе формулы *поймать остродыма* фигурирует обозначение рабочего, батрака, убиравшего поле (ср. значения слов *пострадым*, *пострадымка*, ареал которых как раз накладывается на ареал комментируемой формулы). Но такое объяснение «не дотягивает» со смысловой стороны: в других подобных формулах объект ловли, кажется, не отождествляется с субъектом жатвы / сенокошения. Более вероятна другая мотивационная версия: данное слово — «персонификация» конца страды[17], «квазиантропоним», образованный от глагола **остродить* со значением ‘закончить уборочную страду’. По сути, это «опредмеченный» убираемый урожай (см. выше о ре-

[16] Ср. также вят. *погоня́лка* ‘об очень редко растущей ржи’ — «На Драганихе рожь-то такая погонялка, не знаем, как и схватить её» [СРНГ 27: 307].

[17] Ср. примеры персонифицированных номинаций такого типа: влг. *дрёма сватается* ‘о состоянии дремоты’ [КСГРС], костр., петерб. *жда́нки потерять* ‘потерять терпение при долгом ожидании’ [СРНГ 9: 94] и т. п.

конструкции такого смысла для причастной формы)[18]. Известны примеры «опредмечивания» на основе других обозначений конца жатвы, при этом языковые факты обычно отражают обрядовые реалии: так, на русском северо-востоке (влг., костр.) из последнего снопа вязали куклу *пожинальницу* и сажали ее на горсть несжатых колосьев [СД 1: 231—232]; ср. брян., влад., влг., нижегор., пск., ряз. *пожина́ть*(*ся*) ‘оканчивать жатву’ [СРНГ 28: 196; КСГРС], влад., влг., иван., казан., краснояр., латв., литов., новг., пенз., пск., сарат., симб., твер., яросл. *пожи́нки* ‘окончание жатвы’ [СРНГ 28: 196].

* * *

Итак, в статье рассмотрены разные группы лексических фактов, в основе которых предлагается видеть субстантивированную форму страдательного причастия настоящего времени от глагола **остра́дить* ‘завершить сельскохозяйственные работы (сенокос, жатву)’, ‘принести страдания, мучения кому-либо’. К их числу относятся: 1) русские диалектные (арх., влг., костр., пск.) лексемы с поведенческо-характерологической семантикой: *астради́м*, *востроды́мка*, *остради́м*, *остроги́н*, *остроды́м*; 2) факты антропонимии: прозвище *Остродым*, фамилии *Астрадимов*, *Астрадымов*, *Востродымов*, *Остродымов*, *Остродымов*; 3) лексема *остродым* из прикамского выражения *поймать остродыма* ‘закончить уборку на поле’; ср. также с другой приставкой — ср.-урал. *построды́м*, *построды́мка* ‘наемный работник или работница на время страды’.

Возникает искушение расширить круг сопоставляемых фактов. Так, на той же территории восточного Вологодско-Костромского пограничья, где записаны *остра́дим*, *остродым* и проч., отмечен созвучный гидроним — река *Астрада́нка* (*Астрада́ма*, *Астрода́мка*, *Острада́нка*), которая впадает в Юг справа в двух километрах от дер. Кожаево Никольского района Вологодской области [ТЭ]. Можно предположить, что в основе названия — страдательное причастие прошедшего времени от глагола *обстра́дать* или *отстра́дать*[19]. В этом случае название встает в ряд многочисленных то-

[18] Упомянем и о любопытных смысловых перекличках, которые можно усмотреть между жатвенными и поведенческими значениями *остродыма*. По окончании земледельческих работ в Прикамье иногда говорили: «Все убрали — чисто своровали» [сообщено И. А. Подюковым]. При этом «воровской» смысл есть и у слов с корнем *страд-* — как глаголов, так и существительных (перм., свердл. *страдова́ть* ‘воровать овощи, ягоды в огороде, в поле’ [СРГСУ 6: 66; СРГЮП 3: 188], костр. *остроды́м* ‘вор’ [ЛКТЭ]). Небезынтересна идея М. В. Бобровой (Пермь), высказанная при обсуждении выражения *поймать остродыма*: жнец, работающий в поле, то пригибается, срезая колосья, то выпрямляется. Пригибаясь, он исчезает из виду, как бы скрывается от наблюдателя. Такие движения, возможно, провоцируют «воровские» ассоциации, проявляющиеся в смысловой структуре *остродыма*.

[19] Страдательные причастия прошедшего времени от глаголов на *страд-* фиксируются в народной речи. Ср., к примеру: арх. *вы́страдан*(*ой*) — «Выстрадана пожня» [АОС 8: 258], перм. *страдо́ван* — «Сено страдовано было здесь» [АС 5: 149].

понимов Русского Севера с основой *страд*-, ср.: поле *Постра́дное* — «Страдовали там» (дер. Алифино Нюксенск. р-на Вологодск. обл.), луг *Стра́дне* — «Трудно косить» (дер. Паржинское Плесецк. р-на Архангельск. обл.), поле *Стра́днее*, покос *По́стради* (Красноборск. р-н Архангельск. обл.), урочище *Страда́нихи*, покос *Постра́ды* (Вельск. р-н Архангельск. обл.), покос *Стра́дно* (Коношск. р-н Архангельск. обл.), поле *Стради́ще* (Устьянск. р-н Архангельск. обл.), острова *Первое*, *Второе Стра́дново* (Никольск. р-н Вологодск. обл.), урочище *Стра́дыни* (Кадуйск. р-н Вологодск. обл.), река *Страду́ха* (Кичменьгско-Городецк. р-н Вологодск. обл.), покос *Стра́дные* (Верховажск. р-н Вологодск. обл.), поле *Устра́да* (Виноградовск. р-н Архангельск. обл.) и др. [Там же][20].

Если принять предлагаемую версию, то буквальный смысл топонима *Астраданка* (< *Остраданка*) — «та (река), которая *обстрадана*». Мотивацию можно объяснить двумя путями. В Никольском районе, как и в других зонах Русского Севера, сенокосы располагаются преимущественно по берегам рек. Поскольку данная река протекает недалеко от деревни, можно предполагать, что ее берега целиком обкашиваются, что и находит отражение в названии. Есть и другой мотивационный вариант. В ряде топонимов Русского Севера весьма явно выражена идеограмма «место, где завершают уборку урожая или сенокошение» (как правило, на таком поле или покосе справляют ритуал окончания страды). Ср.: поле *Обсе́нница* — «Обсеялись там. Кончали на том поле обсеиваться» (дер. Степановская Верхнетоемск. р-на Архангельск. обл.); поле *Борода́*[21] — «Старики там бороду справляли» (дер. Долгощелье Мезенск. р-на Архангельск. обл.); поле *Деже́нное*[22] — «Это поле последним убирали» (дер. Мальгино Вашкинск. р-на Вологодск. обл.), поле *Дежнёво* — «Дежонь там хлебали, жнивьё завершали дак» (дер. Матвеево Нюксенск. р-на Вологодск. обл.); поле *Пивова́р* — «Какой трети доставалось — с той трети пиво на конец сенокоса» (дер. Морозовица Великоустюгск. р-на Вологодск. обл.); поле *Соломáтница*[23] — «Завершали сенокос, дак соломат хлебали» (дер. Удальцовская Верховажск. р-на Вологодск. обл.), покос *Соломáтница* — «Потому что самый дальний, когда раньше косили, завершали весь покос, соломат мешали» (дер. Мокшинская Вельск. р-на Архангельск. обл.) и др. [ТЭ] (некоторые из этих и другие примеры см. в [Березович 2009: 245]). Возможно,

[20] Ср. в географической терминологии: старорус. *пострадь* ‘росчисть’ [СлРЯ XI—XVII 17: 254]; возможно, также арх. *страдóмина* ‘остров на болоте’ [КСГРС].

[21] Арх. *борода* ‘окончание уборки урожая’, ‘праздник по случаю окончания сельскохозяйственных работ’ [СГРС 1: 157].

[22] Арх., влг. *деже́нь* ‘кушанье из толокна (реже из ячменной муки), разведенного в простокваше, молоке, сметане, квасе и т. п., которое готовили чаще в праздник окончания жатвы’ [СГРС 3: 201].

[23] Арх., влг. *соломáт* ‘жидкое кушанье из крупы или толокна, которое обычно готовилось по окончании жатвы’, ‘застолье по случаю окончания жатвы’ [КСГРС].

река *Астраданка* тоже была своеобразной границей, возле которой заканчивались покосы (косцы шли по Югу — и, доходя до этой реки, завершали сенокос).

Эта версия вполне имеет право на существование, однако несколько смущают два обстоятельства. Первое из них таково. Кажется, что внутренняя форма рассматриваемого гидронима должна быть более прозрачна, чем в случае с *остродымом* и проч., поскольку производящий глагол существует в синхронной системе языка. Тогда непонятно, почему в окающих говорах преобладают формы с начальным *а* (фиксация *Остраданка* единична). Второе заключается в следующем. Поиск по различным источникам по русской топонимии (правда, весьма беглый и поверхностный) не позволил обнаружить других названий на *остродан-*, но были найдены два названия на *астрадам-*. Одно из них — село *Астрадамовка* в Ульяновской области (ранее относилось к Астрадамовской волости Алатырского уезда); другое — *Астрадамская улица* в Москве. Относительно названия улицы есть справка в топонимическом словаре «Улицы Москвы», говорящая об этимологической затемненности и, возможно, «многослойности» этого имени[24]. Неясно и то, может ли название вологодской реки восходить к той же основе, что обозначение московской улицы и поволжской деревни (или это разные основы?): несмотря на формальное совпадение топонимов, надо помнить, что модели номинации природных объектов и населенных пунктов могут весьма различаться.

Но это — тема отдельного исследования. Здесь нам было важно показать, что *остродым* и схожие с ним слова задают много загадок, начало разгадки которых положено, как хочется думать, в настоящей статье.

Литература и источники

АКТЭ — антропонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

[24] Ср.: «Название перешло в 1964 г. с бывшего здесь ранее *2-го Астрадамского тупика*. По легенде, Петр I основал здесь сельскохозяйственную ферму, похожую на ту, которую он видел в Амстердаме (царь в своих письмах называл город *Астрадамом*). Но уже в писцовой книге 1584 г. здесь названа пустошь *Острогонова*, в 1623 г. — *Остроганова*, в 1667 г. — дер. *Остродамова*. На чертежах 1670-х гг. — *Астрадамово* и *Амстрадамово*, в XVIII в. — *Астрадамово* (после 1812 г. деревня не упоминается). Очевидно, название восходит к какому-то личному именованию (известны были прозвище *Острога*, имя *Астрадам*)» [УМ: 19]. Действительно, прозвище *Астрадам* упоминается в старых русских ономастиконах, ср., к примеру, *Астрадам Варкалап* (*Баркалаб*) *Всеволодский*, первая четверть XVII в. [Веселовский 1974: 16].

Аникин РЭС — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. М., 2007—. Вып. 1—.

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980—. Вып. 1—.

АС — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / Гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь, 1984—2011. Вып. 1—6.

Березович 2009 — Е. Л. Березович. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М., 2009.

Березович 2014 — Е. Л. Березович. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014.

Веселовский 1974 — С. Б. Веселовский. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

Ганжина 2001 — И. М. Ганжина. Словарь современных русских фамилий. М., 2001.

Даль 1—4 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880—1882 (1989). Т. 1—4.

Зализняк 2013 — А. А. Зализняк. К истории слов // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира: К юбилею С. М. Толстой / Редкол.: А. В. Гура, О. В. Белова, Е. Л. Березович. М., 2013. С. 31—41.

КАОС — картотека Архангельского областного словаря (кафедра русского языка МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва).

Крысько 1995 — В. Б. Крысько. Залоговые отношения // Древнерусская грамматика XII—XIII вв. / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 1995. С. 465—506.

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992—1995. Вып. 1—12.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / Под ред. В. А. Бердинских, В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров, 1996—. Вып. 1—.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967—. Вып. 1—.

РГ 1980 — Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. 1—2.

РНК — О. В. Атрошенко, Ю. А. Кривощапова, К. В. Пьянкова. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / Науч. ред. Е. Л. Березович. М., 2015.

СВГ — Словарь вологодских говоров / Под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда, 1983—2007. Вып.1—12.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.

СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995—2012. Т. 1—5.

СПГ — Словарь пермских говоров / Под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 2000—2002. Вып. 1—2.

СПП — Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Псков, 2001.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994—2005. Вып. 1—6.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1964—1987. Т. 1—7.

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003—2005. Т. 1—2.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1—22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23—42), С. А. Мызников (вып. 43—). М.; Л., 1965—. Вып. 1—.

СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья / Науч. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2010—2012. Вып. 1—3.

СРГЮТО — Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области. Тюмень, 2014. Т. 1—2.

СлРЯ XI—XVII 17 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 17. М., 1991.

СлРЯ XI—XVII 28 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 28. М., 2008.

СЦСРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847. Т. 1—4.

Толстая 2005 — С. М. Толстая. Актантная структура глагола и семантика отглагольных имен: «субъектные» и «объектные» имена // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой / Отв. ред. В. Н. Топоров. М., 2005. С. 162—168.

Толстая 2006 — С. М. Толстая. «Разноосновные» глаголы в русском языке // Od fonemy do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu / Pod red. I. Bobrowskiego, K. Kowalik. Kraków, 2006. S. 365—372.

Толстая 2008 — С. М. Толстая. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

ТСлРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

ТЭ — топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

УМ — Р. А. Агеева, Г. П. Бондарук, А. Л. Шилов и др. Улицы Москвы. Старые и новые названия. Топонимический словарь-справочник. М., 2003.

Усачева 2008 — В. В. Усачева. Магия слова и действия в народной культуре славян. М., 2008.

Фасмер 1—4 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1964—1973. Т. 1—4.

Фрэзер 1980 — Дж. Фрэзер. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. М., 1980.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1—31), А. Ф. Журавлева (вып. 32—). М., 1974—. Вып. 1—.

Sławski 1976 — Fr. Sławski. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego (ciąg dalszy) // Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. T. 2. S. 13—60.

Vaillant 1974 — A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. Paris, 1974. T. IV: La formation des noms.

References and sources

AKTE — antroponimicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspedicii Ural'skogo federal'nogo universiteta (kafedra russkogo yazyka i obshchego yazykoznaniya UrFU, Ekaterinburg).

Anikin RES — A. E. Anikin. Russkiy etimologicheskiy slovar'. Moskva, 2007—. Vyp. 1—.

AOS — Arkhangel'skiy oblastnoy slovar' / Pod red. O. G. Gecovoy. Moskva, 1980—. Vyp. 1—.

AS — Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo rayona Permskoy oblasti (Akchimskiy slovar') / Gl. red. F. L. Skitova. Perm', 1984—2011. Vyp. 1—6.

Berezovich 2009 — E. L. Berezovich. Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Prostranstvo i chelovek. Moskva, 2009.

Berezovich 2014 — E. L. Berezovich. Russkaya leksika na obshcheslavyanskom fone: semantiko-motivacionnaya rekonstrukciya. Moskva, 2014.

Dal' 1—4 — V. I. Dal'. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. 2-e izd. St.-Peterburg; Moskva, 1880—1882 (1989). T. 1—4.

ESSYa — Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskiy leksicheskiy fond / Pod red. O. N. Trubacheva (vyp. 1—31), A. F. Zhuravleva (vyp. 32—). Moskva, 1974—. Vyp. 1—.

Frazer 1980 — J. Frazer. Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii / Per. s angl. Moskva, 1980.

Ganzhina 2001 — I. M. Ganzhina. Slovar' sovremennykh russkikh familiy. Moskva, 2001.

KAOS — kartoteka Arkhangel'skogo oblastnogo slovarya (kafedra russkogo yazyka MGU im. M. V. Lomonosova, Moskva).

Krys'ko 1995 — V. B. Krys'ko. Zalogovye otnosheniya // Drevnerusskaya grammatika XII—XIII vv. / Otv. red. V. V. Ivanov. Moskva, 1995. S. 465—506.

KSGRS — kartoteka Slovarya govorov Russkogo Severa (kafedra russkogo yazyka i obshchego yazykoznaniya UrFU, Ekaterinburg).

LKTE — leksicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspedicii Ural'skogo federal'nogo universiteta (kafedra russkogo yazyka i obshchego yazykoznaniya UrFU, Ekaterinburg).

NOS — Novgorodskiy oblastnoy slovar' / Otv. red. V. P. Strogova. Novgorod, 1992—1995. Vyp. 1—12.

OSVG — Oblastnoy slovar' vyatskikh govorov / Pod red. V. A. Berdinskikh, V. G. Dolgusheva, Z. V. Smetaninoy. Kirov, 1996—. Vyp. 1—.

POS — Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi. Leningrad, 1967—. Vyp. 1—.

RG 1980 — Russkaya grammatika / Gl. red. N. Yu. Shvedova. Moskva, 1980. T. 1—2.

RNK — O. V. Atroshenko, Yu. A. Krivoshchapova, K. V. P'yankova. Russkiy narodnyy kalendar'. Etnolingvisticheskiy slovar' / Nauch. red. E. L. Berezovich. Moskva, 2015.

Sławski 1976 — Fr. Sławski. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego (ciąg dalszy) // Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. T. 2. S. 13—60.

SD — Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' / Obshch. red. N. I. Tolstogo. Moskva, 1995—2012. T. 1—5.

SGRS — Slovar' govorov Russkogo Severa / Pod red. A. K. Matveeva. Ekaterinburg, 2000. T. 1.

SlRYa XI—XVII 17 — Slovar’ russkogo yazyka XI—XVII vv. Vyp. 17. Moskva, 1991.

SlRYa XI—XVII 28 — Slovar’ russkogo yazyka XI—XVII vv. Vyp. 28. Moskva, 2008.

SPG — Slovar’ permskikh govorov / Pod red. A. N. Borisovoy, K. N. Prokoshevoy. Perm’, 2000—2002. Vyp. 1—2.

SPP — Slovar’ pskovskikh poslovic i pogovorok / Sost. V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. Pskov, 2001.

SRGK — Slovar’ russkikh govorov Karelii i sopredel’nykh oblastey / Gl. red. A. S. Gerd. St.-Peterburg, 1994—2005. Vyp. 1—6.

SRGNP — Slovar’ russkikh govorov Nizovoy Pechory / Pod red. L. A. Ivashko. St.-Peterburg, 2003—2005. T. 1—2.

SRGSU — Slovar’ russkikh govorov Srednego Urala / Pod red. A. K. Matveeva. Sverdlovsk, 1964—1987. T. 1—7.

SRGYuP — Slovar’ russkikh govorov Yuzhnogo Prikam’ya / Nauch. red. I. A. Podyukov. Perm’, 2010—2012. Vyp. 1—3.

SRGYuTO — Slovar’ russkikh starozhil’cheskikh govorov yuga Tyumenskoy oblasti. Tyumen’, 2014. T. 1—2.

SRNG — Slovar’ russkikh narodnykh govorov / Gl. red. F. P. Filin (vyp. 1—22), F. P. Sorokoletov (vyp. 23—42), S. A. Myznikov (vyp. 43—). Moskva; Leningrad, 1965—. Vyp. 1—.

STsSRYa — Slovar’ cerkovnoslavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoy Akademii nauk. St.-Peterburg, 1847. T. 1—4.

SVG — Slovar’ vologodskikh govorov / Pod red. T. G. Panikarovskoy. Vologda, 1983—2007. Vyp.1—12.

TE — toponimicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspedicii Ural’skogo federal’nogo universiteta (kafedra russkogo yazyka i obshchego yazykoznaniya UrFU, Ekaterinburg).

Tolstaya 2005 — S. M. Tolstaya. Aktantnaya struktura glagola i semantika otglagol’nykh imen: «sub’ektnye» i «ob’ektnye» imena // Yazyk. Lichnost’. Tekst. Sbornik statey k 70-letiyu T. M. Nikolaevoy / Otv. red. V. N. Toporov. Moskva, 2005. S. 162—168.

Tolstaya 2006 — S. M. Tolstaya. «Raznoosnovnye» glagoly v russkom yazyke // Od fonemy do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu / Rod red. I. Bobrowskiego, K. Kowalik. Kraków, 2006. S. 365—372.

Tolstaya 2008 — S. M. Tolstaya. Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavyanskoy perspektive. Moskva, 2008.

TSlRYa — Tolkovyy slovar’ russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov / Otv. red. N. Yu. Shvedova. Moskva, 2007.

UM — R. A. Ageeva, G. P. Bondaruk, A. L. Shilov i dr. Ulicy Moskvy. Starye i novye nazvaniya. Toponimicheskiy slovar’-spravochnik. Moskva, 2003.

Usacheva 2008 — V. V. Usacheva. Magiya slova i deystviya v narodnoy kul’ture slavyan. Moskva, 2008.

Vaillant 1974 — A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. Paris, 1974. T. IV: La formation des noms.

Vasmer 1—4 — M. Vasmer. Etimologicheskiy slovar’ russkogo yazyka. Moskva, 1964—1973. T. 1—4.

Veselovskiy 1974 — S. B. Veselovskiy. Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvishcha i familii. Moskva, 1974.

Zaliznyak 2013 — A. A. Zaliznyak. K istorii slov // Slavica Svetlanica. Yazyk i kartina mira: K yubileyu S. M. Tolstoy / Redkol.: A. B. Gura, O. V. Belova, E. L. Berezovich. Moskva, 2013. S. 31—41.

Резюме

В статье рассматривается комплекс лексических и ономастических единиц русского языка: русские диалектные лексемы *астради́м, востроды́мка, астради́м, остроги́н, остроды́м* со значением негативной характеристики человека (‘жестокий человек’, ‘тот, кто приносит вред’, ‘высокомерный человек’, ‘вор’ и др.); антропонимы: прозвище *Остродым*, фамилии *Астрадимов, Астрадымов, Востродымов, Острадымов, Остродымов*; пермское выражение *поймать остродыма* ‘закончить уборку в поле’. Автор осуществляет групповую реконструкцию этих единиц, привлекая данные исторического словообразования, морфонологии, этнолингвистики. В основе этих единиц предлагается видеть субстантивированную форму страдательного причастия настоящего времени от глагола **острадить* ‘завершить сельскохозяйственные работы (сенокос, жатву)’, ‘принести страдания, мучения кому-либо’.

Ключевые слова: русская диалектная лексика, фразеология, русские фамилии, этимология, семантическая реконструкция, этнолингвистика, морфонология, причастия

Статья получена 21.11.2014

ELENA L. BEREZOVICH

***ПОЙМАТЬ ОСТРОДЫМА*: A LEXICAL RIDDLE OF RUSSIAN SUBDIALECTS**

The article analyzes a complex of Russian lexical and onomastic units: dialect lexemes *астради́м, востроды́мка, астради́м, остроги́н, остроды́м* which carry the meaning of a negative characterization of a person (‘a cruel person’, ‘somebody who causes harm’, ‘an arrogant person’, ‘a thief’ etc.); anthroponyms: the nickname *Остродым*, the surnames *Астрадимов, Астрадымов, Востродымов, Острадымов, Остродымов*; the Perm set expression *поймать остродыма* ‘to finish harvesting a field’. Considering materials in historical derivation, morphonology and ethnolinguistics, the author performs a group reconstruction of these units. According to the author, the stem of these units is a substantivized form of the present passive participle of the verb **острадить* ‘to finish farm work (haymaking, reaping)’, ‘to inflict torture or suffering on somebody’.

Keywords: Russian dialect vocabulary, phraseology, Russian surnames, etymology, semantic reconstruction, ethnolinguistics, morphonology, participles

Received on 21.11.2014